А. М. Горький

О В Р А Г

ОТРЫВОК ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО РАССКАЗА)*

Рассказ «Овраг» примыкает к циклу произведений Алексея Максимовича, опубликованных в последние годы его жизни в журнале «Колхозник». Время написания «Оврага» относится примерно к 1935 году.

До десяти лет Петр Новоселов прожил, не испытав ничего необыкновенного, а на одиннадцатом прославился как воришка. Возвращаясь берегом реки с каменоломни, куда носил обед отцу, Петр поднял с песка маленький перочинный ножик удивительной красоты, — ножик о четырех лезвиях, они заключены в щечки из чего-то вроде кости, кость радужно и глубоко — как будто изнутри — прокрашена и краски переливаются, играют, непонятно сменяя одна другую. Петр долго стоял, рассматривая находку, открывая и закрывая голубовато блестящие лезвия, они приятно щелкали, и казалось, что окраска щечек светится на солнце все ярче. Ножик совсем новенький, как будто вчера сделан, лезвия еще не точены, и на одном конце ножа — медное, а, может быть, и золотое колечко. Стоял Петр пред устьем оврага, ветер шевелил кусты, гнал на реку знакомый тихий шелест, река такая же ленивенькая, как всегда, и стружка плыла так же не торопясь, но мальчику казалось, что все вокруг окрашено по-новому, ласково и радостно. Мальчик представил, как будут завидовать ему товарищи, но тотчас же сообразил, что никому, кроме Ильи, показывать находку не надо — отнимут или украдут. Софка — первая попытается украсть. Единственный карман штанов был прорван, — Петр снял с шеи крест, продел в колечко гайтан и спрятал нож под рубахой, подумав:

— Наверно рублей пять стоит.

По пути домой он раза два останавливался, снова рассматривая ножик, а дома спрятал нож в сенях над дверью в избу, потом перепрятал его, снес в огород, сунул в щель старой ветлы, прикрыл корой, а перед ужином, когда тетка послала его в огород окучивать картофель, он, поработав немного, встал за корявый ствол ветлы, вынул находку, и когда любовался ею — бесшумно явилась Софка.

— Ой, что это у тебя? — неприятно громко спросила она, остроносая, с лицом, густо обрызганным веснушками, с рыжим хвостиком на затылке. Она была старше брата на два года, кончила сельскую школу, чванилась этим и вообще мешала брату жить. Петр сунул ножик подмышку себе и, плотно прижав его, сказал:

— Не твое дело.

Сестра дернула его руку, ножик упал, Петр успел наступить на него, ударил Софку кулаком в живот, и в то время, когда они дрались, подошел отец, осыпанный, как всегда, с головы до ног белой пылью.

— Бросьте баловать, чертята, — сказал он густым, привычно ласковым голосом. — Тетка жалуется — не помогаете ей... Чего роешь? — спросил он Петра. Софка об'яснила:

— Он какую-то серебряную штучку добыл и прячет...

Отец протянул раскрытую ладонь:

— Дай сюда.

На ладони отца ножик стал меньше и потускнел. Отец, осторожно пошевеливая его пальцем другой руки, угрюмо спросил:

— Где взял?

— Нашел.

— Не врешь?

Явилась тетка и зашипела:

— Вот они, вещи-то дачников-то Ненюковых, куда пропадали, ах, постреленыш!

Растрепанная Софка, отсасывая кровь разбитой губы и сплевывая ее, быстро сказала:

— Ну уж — нет! У Ненюковых наперсток пропал да маленькие ножницы, так их у сороки в гнезде нашли.

— А ты молчи, рыжий бес! — приказала тетка. — Балуешь ты их, Мирон, вот Петька воровать начал...

— Давай ужинать, — сказал отец, сунув ножик в карман, и пошел умываться, тетка побежала в избу, сестра — за нею, сказала Петру вполголоса:

— Дурак.

Петру очень хотелось заплакать от злой обиды. Прислонясь к стволу ветлы, он горестно подумал: жаль, что тетка не потонула в ледоход, когда они с отпом ловили дрова на реке и лодка опрокинулась. Голоса липнлась, шипит, как блин на сковороде, а не потонула. И лучше бы отец женился на Дамке, чем вводить в избу эту злую шипучую солдатку. Вспомнил, что недавно, за ужином, когда Софка расколола чашку, тетка ударила ее скалкой по голове так, что Софка свалилась со скамьи на пол, отец долго приводил ее в чувство, опрыскивая водой, а когда она очнулась, сказал тетке: «Экая ты зверь!»

— Петька, ужинать! — крикнула Софка.

Ели картофель, размятый вместе с пареной репой и разбавленный снятым молоком, — тетка была мастерица стрянать, и отец нередко похваливал ее:

— Ловко ты, Настасья, умеешь брюхо обмануть.

За ужином тетка не столько ела, сколько кашляла и шипела:

— Семушкин Федор воротился без руки, левую по плечо отпилили, а Чужаковой Авдотье в городе сказали, что как муж ее сбежал из солдат, так паек у нее отнят. Чего теперь ей, хворой, делать? По миру итти с детями-то.

Отец неожиданно спросил:

— Значит, Петрун, нашел ты вещицу?

— Ну да.

— Верно?

— Вот те крест!

Петр перекрестился и тоже спросил:

— Отдашь ножик?

— Кому?

— Мне.

— Подумать надо, — сказал отец, он всегда говорил мало, коротко и чаще всего вот эти слова:

— Подумать надо.

Тетка снова зашипела:

— Балуешь, балуешь... Воришки будут...

— Врешь, — сердито сказал Петр, а Софка обиженно спросила:

— А я — чего украла?

Отец молчал, равномерно действуя ложкой, откусывая белыми зубами большие куски хлеба. Так же молча он встал, стряхивая крошки с бороды, тяжелой рукой и как бы нехотя перекрестился и вышел на двор. В избе он был особенно велик, а на дворе становился меньше и доступнее. Петр выскочил вслед за ним, но отец посмотрел на него из-под локтя так нехорошо, как будто оттолкнул, и прошел под поветь в угол, где раньше стояла лошадь, а теперь он устроил себе кровать. Петр сел в изломанную тачку около повети, придумывая, как выпросить ножик. Хорошо бы подойти, топнуть ногой и крикнуть:

— Отдай ножик.

Не отдаст. Он — тихий, а никого не боится. И — упрямый.

На улице пастух ругался с бабами, грызлись и визжали собаки, захожий бондарь набивал обручи на бочки. Зимою Петр ходил в школу, выучился читать и любил, гляля в небо, переставлять звезды так, чтоб из них получались слова; это была интересная, но трудная игра, звезды не передвигались как нужно, слова составлялись медленно. Да теперь еще и маловато было звезд, ночь только что начиналась. Перед глазами мелькал разноцветный убор ножа и было скучно, обидно жить.

К отцу, под поветь, прошел Иван Татаринов, и это немножко оживило мальчугана: после беседы с приятелем отец всегда становился ласковее, уйдет дяля Иван и можно попросить отца, чтоб отдал ножик. Только бы не уснуть. Татаринов принес водку, было слышно, как она булькает, как покрякивают мужики и чистят воблу. Выпивши, отец говорил приятелю:

— Легкий ты, Иван, приятный ты мне.

Пьяненькие, они становились смешными, обнимались, целовались, пели песни, но это смешное не радовало Петра, а бунило в нем досаду и грусть. Верхний конец села богатый, там есть даже каменные дома, ребятишки там наряднее одеваются, было стыдновато жить в Нижнем конце сыном бедного мужика, который работает на богатых и живет в дружбе только с таким же бедняком, прозванным Ванькой Беззаботным. Смелый на слово Илюшка Татаринов как-то спросил друзей:

— Работаете вы много, а все — бедные, это почему?

Его отец ответил:

— Бедны, да — не вредны.

Ответил складно и памятно, но — не утешительно. Петр замечал, что Нижний конец живет все беднее и бедные становятся злей, дерутся чаще. Отец сильнее дяди Ивана, но — слушается его: зимой, когда умерла мать, отец начал пить почти каждый день, но Татаринов запретил ему пьянствовать, и отец послушался. Теперь пьют вместе, изредка и всегда — на ночь. Могут и ножик пропить. Петр напряженно вслушивался в голос Татаринова и краткие слова отца — не заговорят ли о ножике?

— Сашка Дамка сказывает, что видела Чужакова Никиту, — негромко говорил Татаринов. — Кроме его еще двое дезентиров около угольщиков трутся, один — из Оленина, а другой будто городской.

— Дивно, что мало бегут, — сказал отец.

— Да, воюют давно, а бегут — мало.

— Теперь бы самое время против богатых войну об'явить, как в пятом году.

— Сговор нужен.

О войне Татаринов говорил не меньше тетки Настасьи, но ее речи шипели горячо, а дяля Иван говорил легко, как бы шутя, и слова его звенели, точно стекло. Петр вспомнил тетку, когда она еще жила с мужем — была она добрая, веселая, толстенькая, одевалась чисто, а когда мужа взяли на войну и тотчас же убили, — она высохла, сморщилась, потемнела, растрепалась и все считала, сколько мужиков убито, сколько воротилось домой без рук, без ног, слепых, больных.

Утомясь вслушиваться в беседу приятелей, Петр задремал, но уснуть не успел, — явилась Софка, вытащила его из тачки.

— Иди, иди в избу!

И легонько толкая его в спину, сказала:

— Тетка Настасья шипит на улице, что ты ножик-то украл.

К заботам сестры о нем Петр привык и, если заботы были приятны ему, принимал их молча. На другой день, когда он понес отцу обед, по дороге ему встретился Илья Татаринов с ведром, в котором плескались окунишки и ерши.

— Покажи ножик, — попросил Илья.

— Нет его, отец отнял.

— А где ты украл?

— Да — не украл я, нашел, — с досадой крикнул Петр.

— А чего сердишься? — недоверчиво спросил приятель.

— Не приставай!

— А чего зазнаешься? — приставал Илья, поставив ведро на землю, вытянувшись точно солдат и спрятав руки за спину. Петр, зная, что сейчас из-за спины могут вылететь крепкие, быстрые кулаки, пошел своей дорогой, а Илья обидно крикнул вслед ему:

— Украл, так думаешь — ловок? Эх ты...

— Кабы не обед нести, я бы тебе раздергал харю-то, — ответил Петр, быстро спускаясь под гору.

К вчерашней обиде на утрату ножика прибавилась новая. Петру Новоселову лестно было, что его друг — один из лучших бойпов Нижнего конца против ребятишек Верхнего, Илька Татарин — хороший, забавный товарищ: смелый, веселый, вчера — задумчивый и ласковый, сегодня — грубый, злой, он был похож на книжку с картинами — почти на каждой странице другая. Он уже кончил школу, и ее попечительница, важная барыня Куломзина, подарила ему книжку «Хижину ляди Тома». Зимой эту книжку Илья читал вслух, и даже непоседливая егоза Софка слушала молча, — только изредка вскрикивая:

— Ой!

А Илья говорил ей:

— Ты — погоди, еще хуже будет!

Неприятно было в Татарине только одно: с Софкой он разговаривал больше и ласковее, чем с ним, Петром, и вообще дружил с нею больше, чем с другими девчонками. У него было две сестры: старшая жила горничной у помещицы Куломзиной, а младшую дядя Иван отдал в монастырь учиться рукоделью.

Раздумывая обо всем этом, Петр подошел к месту работы отца, поставил обед на груду известкового камня и, приложив ладони ко рту, крикнул вверх:

— Тятя, обедать!

Сажени на две выше берега в рыжеватой, круто срезанной горе, залегла широкая полоса известкового камня, и в этом камне выломаны две глубокие пещеры. Одна из них давно засыпана оползнем горы, и видно лишь верхний ее край, похожий на челюсть, в которой торчало четыре обломанных зуба... Над нею висели обнаженные корни деревьев, точно огромные, серые черви. Рядом с нею выломана другая, в ней работал отец со стариком Гаврилой Зверковым, она так далеко уходила, что внутри ее было темно и работали с фонарем: отец выламывал камень, а Зверков вывозил его на тачке и сыпал вниз по жолобу из толстых досок, внизу камень укладывали штабелем в полтора аршина высотой, сажень ширины и четыре сажени длины. Денисовы платили отцу со штабеля, и отец выработал за зиму уже три, начинал четвертый. Скоро Денисовы полведут к берегу баржу и наймут баб Нижнего конца грузить камень.

Обычно, когда Петр подходил к ломке, он еще издали слышал глухие, охающие удары в пещере, грохот камня, падавшего по жолобу, видел белую пыль над ним. Но в этот день было тихо, пещера не охала, не вздыхала пылью. Петр подождал несколько минут и полез на четвереньках по крутому жолобу в зубастую пасть пещеры, он не один раз бывал в ее пыльной темноте, и было жутко, что сегодня она не дышит. Встав на ноги, он пробежал шагов десять, наткнулся на груду мягкой земли, она поднималась до потолка пещеры, плотно закрыв ее жерло. Мальчик тотчас понял: «Завалило!»

Он выскочил из пещеры, камнем скатился по жолобу, без памяти побежал в село, наскочил на чьих-то баб:

— Отца завалило камнем...

Одна из них схватила его за голову, прижала лицом к животу и начала причитать:

— Ой ты, сирота — сиротинушка... Живот у нее был мягкий, точно тесто. Петр, задыхаясь, бил ее кулаками по бедрам, пытался укусить, но она прижимала его лицо все крепче, и ее вой раздирал уши.

Потом он нашел себя на берегу реки, ноги его в воде, голова лежала на коленях Софки, наклонясь над ним, она капала слезами на лицо его и растирала грудь ему мокрой тряпкой.

— Очнулся? — прошептала она, всхлипнув, и столкнула его на песок, говоря: — Лежи, я побегу. Господи, господи...

Весь мокрый Петр встал, пошел за сестрой, какая-то тяжесть шевелилась в голове, пошатывая его. Его обгоняли бегом бабы с лопатами в руках, ребятишки, проехал верхом на толстом, буланом коне старший Денисов, тощий, маленький, точно подросток, впереди по жолобу грохотал камень, пещера дымила серой пылью, и доносился звонкий голос Ивана Татаринова:

— Делай, делай! Делай, не зевай...

Он работал в самом устье пещеры, на краю ее, выгребая лопатой из-под ног своих кучи земли, выталкивая ногами и руками большие белые камни. Камни не все попадали в жолоб, многие, минуя его, прыгали вниз по горе и крошились. Денисов, подняв вверх темное лицо свое, козлиную бороду, размахивал фуражкой и сиповато кричал:

— По жолобу пускай камень, по жолобу. Не кроши зря, эй! Татаринов, — по жолобу, я те говорю. Экой дурашной... Желтая лысина Денисова покрылась потом, таяла, как восковая, под жарким солнцем, он стоял в облаке пыли, держа лошадь на поводе и лошадь фыркала в спину ему. Народа собралось немного и все старики да бабы. Петр хотел влезть к Татаринову, но по жолобу сыпалась земля, прыгали камни, он полез прямо по крутому срезу горы, но чья-то старуха дернула его за ногу, взвизгнув:

— Ку-уда, постылый! Ах ты, бесенок...

Тогда он вскочил на штабель камня, уселся там и, не отрываясь, смотрел, как Татаринов выгоняет из пещеры землю, камни, а сзади его, в пыли, двигаются люди. Под'ехал на лодке Рыбаков с дочерью и попом Иосифом, в необыкновенной рясе, она была зеленоватая, но отливала красным, и это напоминало Петру краски щечек ножика. Тучный, краснолицый, чернобородый Рыбаков, пожав руку Денисова, густо сказал:

— Опять у тебя это самое.

— Работники неумелые, — прискорбно откликнулся Денисов.

К ним подошел поп, он, вылезая из лодки, оступился в воду и теперь, сев на землю, стал, покрякивая, снимать сапог. Он был тоже толстый, скуластый, как чуваш, с редкой бородкой в морщинах желтых щек, с кустиком седых волос на подбородке.

Рыбаков, прищурив огромные глаза, смотрел вверх, говоря:

— Камень не любит мужика, да и мужик его — тоже. Мужик — дерево любит.

— Девочка, помогла бы мне сапог снять, — попросил поп Софку, — она взглянула на его дочь, подходившую к штабелю, и молча отодвинулась прочь.

— Эй, внизу! Подсобите-ка, примите... Осторожно!

Это кричал Татаринов, подтаскивая к жолобу странно мягкое человечье тело, — Петр вскочил на ноги.

— Зверкова отрыли, — звонко сказала Сашка Дамка и полезла на четвереньках вверх по жолобу, за нею карабкались еще две бабы и все, кто был внизу, сгрудились у конца жолоба. Петр сел на камни, — Зверкова не жалко, он старичок злой, и любил дразнить мальчишек Нижнего конца. Поп вывернул голенище мокрого сапога и, положив его на солнце рядом с Петром, спросил:

— Ты — чей?

Мальчик, так же как сестра его, молча отодвинулся от сапога, не находя в себе никаких слов. И мыслей не было, — было только желание поскорее узнать — жив отец или помер?

Дамка и жена угольщика Баева понесли Зверкова к реке, Татаринов снова полез вверх по жолобу, хрипло вскрикивая:

— Эй, делай, делай!

А Денисов кричал ему:

— Иван — погоди-ко! Иван Матвеев, эй! Экой дурак! — правильно прозван — беззаботный, — сказал Рыбаков.

По жолобу снова сыпалась земля, катились белые камни, пещера дышала мутной пылью, жара становилась сильнее, люди двигались уже не так суетливо и время пошло медленнее, тяжелей.

— Жив! — закричали на берегу.

Петр привстал, посмотрел: у воды, в полукруге людей, сидел голый старик, встряхивая мокрой головой, он кашлял, плевал, скреб пальцами рук седоволосую грудь, пред ним стоял поп, и тело Зверкова казалось зеленоватым. Дамка, на коленях, хлопала по спине старика ладонями и что-то говорила ему, чья-то высокая старуха поливала водой из ведра голову, плечи Зверкова, а поп, взмахивая рукой, доказывал Денисову:

— Господь милостив.

— Милостив, да не ко мне.

Петр соскочил с камней и полбежав к жолобу закричал вверх:

— Дядя Иван, скорее! Пусти меня туда, дядя Иван...

Татаринов не ответил, тогда мальчик сел на землю и завыл, зарыдал.

Новоселова отрыли к вечеру, когда уже покраснело солнце. Он лежал на берегу реки.

*) Автограф хранится в архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы.

В селе Красноильске, Сторожинецкого района, открылся первый пионерский лагерь для детей трудящихся города Черновиц. На снимке: вожатая лагеря Мария Кричевская с группой ребят перед выездом в лагерь.

Фото Я. Давидзона (ТАСС).

Печать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке

Павильон «Печать» пользуется большим успехом у посетителей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Множество людей ежедневно осматривает его стенды, наглядно показывающие огромную мобилизующую роль большевистской печати в борьбе за рост социалистического сельского хозяйства. Тысячи газет — стенных, многотиражных, районных, областных, республиканских, 20 книжных издательств соревновались между собой за право участия на выставке.

10 июня президиум ЦК профсоюза работников печати подвел итоги этого соревнования. На заседании президиума присутствовали приехавшие на выставку работники печати Краснодара, Киева, Ростова-на-Дону, Красноярска, Казани и московские журналисты.

Высокую честь быть экспонентом павильона большевистской печати завоевали (по неполным данным) 1.805 газет. Количество экспонентов в два с лишним раза больше, чем в прошлом году, и в тринадцать раз больше, чем в 1939 г. В их числе работники редакций, селькоры, актив газет.

Президиум ЦК союза и дирекция павильона «Печать» особо отметили успехи передовиков соревнования, экспонентов выставки — редакционных коллективов газет: «Пролетарська правда» (Киев), «Молот» (Ростов-на-Дону), «Большевик» (Краснодар), «Зоря» и «Днепровская правда» (Днепропетровск), «Больпвицька правда» (Винница), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Молодой ленинец» (Сталинград).

Лучшему из этих коллективов — редакции киевской областной газеты «Пролетарська правда» — присуждено переходящее красное знамя ЦК союза работников печати и павильона «Печать».

Шире внедрять опыт рогачевцев

Вчера в редакции газеты «Труд» состоялось совещание о распространении опыта рогачевцев. В совещании приняли участие представители жилищно-бытового отдела ВЦСПС, ЦК и московских обкомов союзов: работников медсантруд Центра, рабочих жилищного хозяйства, работников парикмахерских, бань и прачечных, института санитарного просвещения, госсанинспекций Наркомздравов СССР и РСФСР и др.

Выяснилось, что профсоюзные организации еще очень мало сделали для того, чтобы движение рогачевцев за санитарную культуру и благоустройство дворов, улиц, домов, жилищ, рабочих поселков приобрело повсюду широкий размах.

Это относится и к ЦК союза работников медсантруд Центра, который ограничивается рассылкой директив на места и заслушиванием отчетов отдельных организаций. Мало оказывается деловой помощи местам. В результате имеются отдельные случаи извращения почина рогачевцев, делаются попытки «внедрять» культуру в быт сверху, по приказу. В Реутовском и Кунцевском районах, Московской области, были созданы «штабы по чистоте». Неудивительно, что из такой канцелярской затеи ничего путного не получилось.

Другое дело там, где развертывается самодеятельность масс. В Дмитровском районе в борьбе за чистоту и благоустройство поселков и колхозных сел принимает участие свыше 4 тысяч активистов. Широко развернуто соревнование медицинских работников. Проведена сплошная паспортизация всех селений. Над многими из них шефствуют больницы.

Из выступлений представителя ЦК союза рабочих жилищного хозяйства выяснилось, что этот профсоюз борьбу за сохранность жилищного фонда ведет односторонне, не сочетая ее с борьбой за санитарную культуру.

Участники совещания указывали, что слабую инициативу проявляет и ЦК союза работников начальных и средних школ. Между тем учителя должны занять ведущую роль в деле внедрения санитарного минимума среди населения и в первую очередь среди школьников. На совещании отмечалось, что необходимо об'единить действия ряда ЦК профсоюзов, связанных с обслуживанием населения.

Институт санитарного просвещения готовит к выпуску массовым тиражом брошюру «Опыт рогачевцев — всем городам и поселкам».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭСТОНИИ

ТАЛЛИН, 17 июня. **(По телефону от наш. корр.).** В Эстонии при городских и сельских клубах работают 1.600 самодеятельных кружков — драматических, хоровых, народного танца и других. Кружки об'единяют около 23 тысяч человек. Особенно много среди них любителей народной песни. В республике 430 хоров и капелл, в которых участвует больше 12 тысяч человек.

Сейчас коллективы самодеятельности готовятся к празднованию годовщины установления советской власти в Эстонии. К этому дню в городах и селах будут приурочены смотры и олимпиады. Значительных успехов добились мужской хор Таллинского рабочего музыкального клуба, женский хор гор. Тарту и капелла железнодорожников Эстонской дороги.

В репертуаре кружков — эстонские народные песни и танцы, песни народов Советского Союза, произведения классиков, советских композиторов и драматургов. Над созданием новой массовой народной песни успешно работают эстонские композиторы Эунапу, Саар, Рейнманн, Ведро.

Ответственный редактор К. К. ОМЕЛЬЧЕНКО.
Издатель — ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФСОЮЗОВ.

НА ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ ВЫПУЩЕН БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛИКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Сценарий — Л. НИКУЛИНА.
Режиссер — С. БУБРИК.
Главный оператор лауреат Сталинской премии — А. ШАФРАН.
Звукооператоры: — В. НЕСТЕРОВ. — М. СОБОЛЕВ.

Выпуск «ГЛАВКИНОПРОКАТ».

ЛЕКЦИИ ДЛЯ ПРОФАКТИВА

ИВАНОВО, 17 июня. **(Корр. «Труда»).** Горком ВКП(б) организовал для профсоюзных работников и активистов мелких предприятий и учреждений города цикл лекций и докладов.

Занятия актива проходят два раза в неделю после работы. Занимается около 100 человек. Несколько лекций уже состоялось.

Всего намечено 16 лекций и докладов.

ПОСЛЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ

ТЕАТР им. СУНДУКЯНА ЗАКОНЧИЛ ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ

Вчера Армянский государственный драматический театр им. Г. Сундукяна дал в Москве последний спектакль. Шла трагедия Шекспира «Отелло». В роли венецианского мавра москвичи уже видели двух актеров этого театра — лауреата Сталинской премии народного артиста Армянской ССР Г. Нерсесяна и народного артиста республики Г. Джанибекяна. Вчера в роли Отелло выступил народный артист Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР Ваграм Папазян.

Гастроли театра в Москве прошли с большим успехом. Всего с 3 по 17 июня состоялось 16 спектаклей, на которых побывало свыше 15 тысяч зрителей. Творческие вечера и встречи артистов театра были устроены в Центральном доме работников искусств и в Доме актера. На днях коллектив театра выезжает в Ереван.

ПОБЕДА «ЗЕНИТА»

ЛЕНИНГРАД, 17 июня. **(Корр. «Труда»).** Сегодня здесь состоялся матч между командами «Зенита» и московского «Спартака». В первой половине игры правый крайний нападающий «Зенита» Левин-Коган забил гол в ворота спартаковцев. Хорошая игра ленинградского вратаря Иванова и неточные удары форвардов «Спартака» помогли «Зениту» выйти победителем в этом трудном матче со счетом 1:0.

УПРАВЛЕНИЕ ДОМАМИ ОТДЫХА И САНАТОРИЯМИ ЦК ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ ГОСУЧРЕЖДЕНИЙ

ПРОДАЕТ ПУТЕВКИ В САНАТОРИИ

ГЕЛЕНДЖИК ОДЕССА нервно-соматического типа и грязелечение,

А ТАКЖЕ ОДНОДНЕВНЫЕ ПУТЕВКИ В ДОМ ОТДЫХА на ст. Правда Ярославской жел. дор.

Обращаться: Москва, Балакиревский пер., д. 2 (б. Рыкунов), тел. Б 1-28-22.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, улица Горького, 18-б (быв. 48). ТЕЛЕФОНЫ: ответственный секретарь — К 5-44-15; отделы: иностранный — К 2-27-12; организационно-массовой работы профсоюзов, политико-воспитательной и культурно-массовой работы — К 3-75-32, организации труда и зарплаты, охраны труда и соцстраха, жилищно-бытовой — К 1-84-57, информации — К 3-42-93. Ночная редакция — К 4-39-24. Прием об'явлений в Москве — К 5-71-29, в Ленинграде — 2-19-90.

Б 18414

1-я газетная типография МООМП, Москва, ул. Горького, 18-б.